
Владимир Радзишевский

МОСКВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
В РОМАНЕ «В КРУГЕ ПЕРВОМ»:
НАБЛЮДЕНИЯ КОММЕНТАТОРА

**Путь Солженицына в контексте Большого Времени: сборник памяти:
1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 243–248**

Два рассказа, напечатанные сплоткой в «Новом мире» вслед за «Одним днем Ивана Денисовича», обращены к нам из разных времен. «Случай на станции Кочетовка» замкнут в прошлом. «Матренин двор», напротив, весь в настоящем. А достигается это присутствием автора, который выступает здесь и как рассказчик, и как персонаж (Матрена Васильевна зовет его Игнатич).

В редакции «Нового мира», чтобы обойти цензуру, решили составить рассказ, увести его дальше в прошлое — из полноценного хрущевского времени в раннее послесталинское. Отодвинули начало на три года: с 1956-го в 1953-й. Но, не убрав автора — рассказчика и персонажа, — оторвать рассказ от современности не могли. Казенные критики (вроде Виктора Полторацкого, набросившегося на автора за то, что он загородился в безнадежном Матренином дворе и не видит его преображенных окрестностей) хорошо почувствовали, что это не историческая глущь, а самая живая современность.

Роман «В кругу первом», действие которого разворачивается с 24 по 27 декабря 1949 года, соединяет оба эти пласта: исторический и современный. Автор, узнаваемо укрывшийся за именем Глеба Нержина, переводит в нынешний план всю жизнь шарашки. Но в «сталинских» главах Нержину ни под каким именем не было и не могло быть места. И значит, они рисковали замкнуться в прошлом.

Автор мечтал о публикации в «Правде» «сталинских» глав из «Круга» под названием «Одна ночь Сталина» (естественно, вслед «Одному дню Ивана Денисовича»): «Такая правдинская публикация с тиражином в 5 миллионов мне очень ясно, почти зрительно рисовалась, я ее видел как въявь»¹. Очевидно, эта публикация воспринималась бы читателями как беспримесное сочинение исторического жанра.

Чтобы «сталинские» главы не выглядели вставными, чужеродными, недостаточно было сообщить, что сам Сталин «августейшим пальцем с желтым пятном никотина у ногтя»² выбрал на карте объект Марфино и велел срочно изобрести секретную телефонию; что ми-

нистр госбезопасности Абакумов является к нему на доклад и как куратор шарашки. Компенсируя неизбежные потери при переносе прозы на экран, писатель добавит в сценарий многосерийного фильма по роману «В круге первом» эпизод, в котором Абакумов все-таки сообщает Сталину о предательском звонке в американское посольство и Сталин приходит в ярость, напрямую подключаясь к стержневому, атомному сюжету сериала.

В романе сам атомный сюжет проясняется и приобретает полноту только в сочетании того, что знает Сталин, с тем, что доступно его согражданам.

У себя на кунцевской даче он грезит о последней, Третьей мировой войне. «Начать можно будет, как атомных бомб наделаем и прочистим тыл хорошенько» (С. 131). Значит, есть уже у него в руках ядерные бомбы, нет только нужного их количества. Действительно, успешное испытание атомной бомбы в Советском Союзе состоялось еще четыре месяца назад, 29 августа 1949 года. Но об этом не знают на шарашке. Глеб Нержин говорит: «А теперь если у *наших* бомба появится — беда» (С. 551). Об этом не знает даже Иннокентий Володин, который рвется помешать передаче Советскому Союзу «важных технологических деталей производства атомной бомбы» (С. 513). «Атомная бомба у коммунистов — и планета погибла» — уверен он (Там же).

Но ведь еще 25 сентября 1949 года, за три месяца до событий, описанных в романе, в сообщении ТАСС, напечатанном в «Правде» и других газетах, утверждалось, что Советский Союз имеет в своем распоряжении атомное оружие. Для меня, учившегося тогда в первом классе, этого было достаточно, потому что я в свои неполные семь лет по неведению считал «Правду» источником информации, а Глеб Нержин, проживший на свете 31 год, прекрасно понимает, что она лишь источник пропаганды.

Надо сказать, что упомянутое сообщение ТАСС было лживым от начала и до конца. Через месяц после испытательного атомного взрыва под Семипалатинском оно уверяло, что ничего подобного в Советском Союзе не было, а за атомный взрыв приняли за рубежом используемые при строительстве взрывные работы, которые «происходили и происходят довольно часто в разных районах страны»³.

Наличие у Советского Союза атомного оружия подтверждалось ссылкой не на результаты технических испытаний, а на заявление В.М. Молотова 6 ноября 1947 года в Большом театре, что-де секрета атомной бомбы «давно уже не существует»⁴. Однако слова эти не поддаются однозначному истолкованию. К тому же они были произнесены в одном ряду с таким, например, анекдотическим заклинанием, позаимствованным у самого Хозяина: «Последний советский гражда-

нин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»⁵.

Этот пассаж в полной мере должны были оценить арестанты, хохотом покрывшие известие о том, что Уголовным кодексом предусмотрено наказание, лишь немногим мягче смертной казни, а именно: «объявить врагом трудящихся и и з г н а т ь из пределов СССР!» (С. 328).

И вот на давнем блефе Молотова громоздился новый блеф сообщения ТАСС.

Роман воспроизводит всю социальную вертикаль страны: от дворника Спиридона в самом низу до самодержца Сталина наверху. И как раз эти два персонажа, разведенные дальше любых других, представлены наиболее подробными жизнеописаниями: Спиридон — по преимуществу семейным, Сталин — главным образом карьерным. И это Спиридон готов лечь под атомную бомбу вместе с семьей и, может быть, еще миллионом людей, лишь бы заодно извести «Отца Усатого и все заведение их с корнем» (С. 420).

И дядюшка Авенир, оказавшийся ровесником *Самого*, шуточно приоткрывает свои с ним счеты в разговоре с Иннокентием: «Согласись, нескромно мне первому умирать. Хочу на второе место потесниться» (С. 369).

С разоблачением Сталина как сотрудника охраны соотносится разоблачение стукачей на шарашке. «Страна должна знать своих стукачей!» (С. 485) Недавно по телевидению был показан часовой документальный фильм «Привет от Кобы», доказывавший, что Сталин был двойным агентом. Возможно, с благословения Ленина⁶. Это — случай Руськи Доронина.

На шарашке Лев Рубин, проникшись идеями Николая Яковлевича Марра, с увлечением разыскивает по словарям древние связи между языками. А на даче в Кунцеве Сталин, решивший навести порядок в языкознании, уже занес руку над покойным Марром и пока еще живыми его последователями.

Не первый раз Сталин с удовольствием просматривает книгу Рено де Жувенеля «Тито — главарь предателей», написанную, конечно, с учетом его прямых указаний. И эту же книгу с омерзением листает в доме прокурора по спецделам Петра Афанасьевича Макарыгина его друг еще с Гражданской войны, строптивец, выживший при Сталине только потому, что не вылезал из больниц, — серб Душан Радович.

На Рождество, в воскресенье вечером шестеро друзей Нержина и сам он седьмой собираются в щели между двухэтажными кроватями на его день рождения.

«Мне тридцать один год... — говорит он. — Я горжусь, что мой сегоднешний скромный юбилей собрал такое отобранное общество» (С. 339).

Тридцать один год — это реальный возраст Александра Солженицына в декабре 1949 года. Но почему далеко не круглая дата названа юбилеем? Не оговорка ли это? Нет, не оговорка, а отсылка к отгремевшему три дня назад семидесятилетнему юбилею Сталина. Там, на вершине власти, было торжественное чествование в Большом театре. Потом — широкий банкет. Еще потом — узкий банкет. И отдельное застолье на пару с Берией, взбадриваемое кахетинским вином и грузинскими песнями. На следующий день — дипломатический прием. Затем — просмотр фильмов о себе. И — твердое сознание полного одиночества: «Никого он сейчас не мог вспомнить как своего друга. Ни о ком не вспоминалось доброго больше, чем плохого» (С. 89). Здесь же, в недрах тюрьмы, за «лицейским столом», составленным из трех тумбочек неодинаковой высоты, с темной литровой банкой спирта, разбавленного водой и покрашенного сгущенным какао, наслаждалась вольными разговорами тесная мужская компания, соединенная дружеской теплотой.

Так слово «юбилей», употребленное с некоторой натяжкой, позволило обнаружить еще одну скрепу, на контрасте удерживающую «сталинские» главы в пространстве романа.

Сопоставление можно продолжить. Зэки Марфинской шарашки изготовили для вождя на его семидесятилетие самый большой в Советском Союзе телевизор с гравированной надписью «Великому Сталину от чекистов». Юбиляр постоял перед ним, повернулся и уехал. А Андрей Андреевич Потапов сладил Нержину на день рождения портсигар из прозрачной темно-красной пластмассы с бледно-розовой защелкой, перевил его полоской бумаги, на которой чертежным шрифтом вывел: «Вот как убил он десять лет, Утрата жизни лучший цвет». И тем доставил имениннику неподдельную радость. С этим новым портсигаром на двенадцать папирос Нержин едет на свидание с женой. Можно предположить, что к телевизору тот же редкостный умелец Андреич тоже приложил руки.

Обратимся, наконец, к фамилии Нержин, которую выбрал автор «Круга» для себя самого. О том, как она была выстроена, Александр Исаевич рассказал в телефонном разговоре Мире Геннадьевне Петровой (22 марта 2001): «На фронте я встретил название деревушки — Свержень, которое очень приглянулось. Решил взять для фамилии героя, убрав “с”, чтобы снять смысловую перекличку с глаголом “свергать”. Получилась фамилия “Вержин”, которая казалась красивой.

Потом изменил на “Кержин”. Затем решил устранить созвучие со старообрядцами <кержаками>, заменил первую букву» (С. 692).

Поэт-фронтовик Юрий Белаш рассказывает, что в окопах меньше всего думали о Сталине.

И если бы не газеты,
право слово, мы бы так и забыли
эту не встречавшуюся в русском языке
фамилию⁷.

Признаемся, что фамилия Нержин встречается в русском языке не чаще. Но, при исключительности обеих фамилий, переключка их явственно ощущается. «Нерж», как отметила Мира Геннадьевна, прежде в изобилии штамповалось на столовых приборах и кухонной утвари. Это означало, что вилка, ложка или мясорубка сделаны не из простой стали, постоянно разьедаемой коррозией, а из нержавеющей, вечной. Так Нержин изначально получал очевидное превосходство над Сталиным. Хотя тому, конечно, достало бы «только ресницею одной пошевелинуть — и отлетит у Нержина голова» (С. 46).

Александр Твардовский, сразу же по прочтении романа поставивший себе целью напечатать его, первым делом попросил автора убрать главу «Этюд о великой жизни», где, в частности, обосновывалась версия о сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Затем, еще до обсуждения романа в редакции, решил, что «сталинские» главы «придется дружными усилиями таки снять»⁸.

Роман тогда из печати так и не вышел. А если бы вышел — ужатый и искаженный в надежде на публикацию, с фальшивым «лекарственным» сюжетом вместо реального «атомного», да еще без широкого исторического контекста «сталинских» глав, но с оставшимися от них торчащими скрепами? Да с неизбежными постраничными редакторскими исправлениями? Вроде того, как реальная церковь Никиты Мученика на спуске от Таганской площади к Язуе была переименована в церковь Иоанна Предтечи, чтобы не вызывать ассоциаций с Н.С. Хрущевым. Так, может быть, и лучше, что вымученная подцензурная публикация не состоялась?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. С. 35.

² Он же. В круге первом: Роман. М.: Наука, 2006. С. 48. Далее цитаты из этого издания сопровождаются номером страницы в скобках.

³ Правда. 1949. 25 сент. С. 2.

⁴ Правда. 1947. 7 нояб. С. 2.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Фильм прошел на Первом канале 17 ноября 2008. Начало в 22.30.

⁷ *Белаш Ю.* Окопные стихи. М.: Советский писатель, 1990. С. 282.

⁸ *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 12. С. 127.